

СИМВОЛИЗМ В РОССИИ

В России символизм возник в начале 1890-х. В первое десятилетие ведущую роль в нем играли «старшие символисты» (декаденты), особенно московская группа, возглавленная В. Брюсовым и издавшая три выпуска сборника «Русские символисты» (1894–1895). Декадентские мотивы господствовали и в поэзии петербургских авторов, печатавшихся в журнале «Северный Вестник», а на рубеже веков — в «Мире искусства» (Ф. Сологуб, З. Н. Гиппиус, Д. Мережковский, Н. Минский). Но во взглядах и прозаическом творчестве петербургских символистов отразилось и многое из того, что будет характерно для следующего этапа этого направления.

«Старшие символисты» резко отрицали окружающую действительность, говорили миру «нет»:

Я действительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего века...

(В. Брюсов)

Земная жизнь — лишь «сон», «тьень». Реальности противопоставлен мир мечты и творчества — мир, где личность обретает полную свободу:

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

(Ф. Сологуб)

Это — царство красоты:

Есть одна только вечная заповедь — жить.
В красоте, в красоте несмотря ни на что.

(Д. Мережковский)

Этот мир прекрасен именно тем, что его «нет на свете» (З. Гиппиус). Реальная же жизнь изображается как безобразная, злая, скучная и бессмысленная. Особое внимание проявляли символисты к художественному новаторству — преобразованию значений поэтического слова, развитию ритмики, рифмы и т. д. «Старшие символисты» еще не создают систему символов, они — импрессионисты, которые стремятся передать тончайшие оттенки настроений, впечатлений.

Новый период в истории русского символизма (1901–1904) совпал с началом нового революционного подъема в России. Пессимистические настроения, навеянные эпохой реакции 1880-х — начала 1890-х и философией А. Шопенгауэра, уступают место предчувствиям грандиозных перемен. На литературную арену выходят «младшие символисты» — последователи философа-идеалиста и поэта В. Соловьева, представлявшего, что старый мир зла и обмана на краю полной гибели, что в мир сходит божественная Красота (Вечная Женственность Душа мира), которая должна «спасти мир соединив небесное (божественное) начало жизни с земным, материальным, создать «царство божие на земле»:

Знайте же: Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод.

(Вл. С. Соловьев)

У «младших символистов» декадентское «неприятие мира» сменяется утопическим ожиданием его грядущего преображения. А. Блок в сборнике «Стихи о Прекрасной Даме»

(1904) воспевают то же женственное начало юности, любви и красоты, которое не только принесет счастье лирическому «я», но и изменит весь мир:

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
 Все в облике одном предчувствую Тебя.
 Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
 И молча жду, — тоскуя и любя.

Те же мотивы встречаются в сборнике А. Белого «Золото в лазури» (1904), где прославляется героическое стремление людей мечты — «аргонавтов» — к солнцу и счастью полной свободы. В эти же годы многие «старшие символисты» также резко отходят от настроений прошлого десятилетия, идут к прославлению яркой, волевой личности. Эта личность не порывает с индивидуализмом, но теперь лирическое «я» — борец за свободу:

Я хочу порвать лазурь
 Успокоенных мечтаний.
 Я хочу горящих зданий,
 Я хочу кричащих бурь!

(К. Бальмонт)

С появлением «младших» в поэтику русского символизма входит понятие символа. Для учеников Соловьева это — многозначное слово, одни значения которого связаны с миром «неба», отражают его духовную сущность, другие же рисуют «земное царство» (понимаемое как «тень» царства небесного):

Чуть слежу, склонив колени,
 Взором кроток, сердцем тих,
 Уплывающие тени
 Суевливых дел мирских
 Средь видений, сновидений,
 Голосов миров иных.

(А. Блок)

Годы первой русской революции (1905–1907) вновь существенно изменяют лицо русского символизма. Большинство поэтов откликаются на революционные события. Блок создает образы людей нового, народного мира («Поднимались из тьмы погребов...», «Барка жизни»), борцов («Шли на приступ. Прямо в грудь...»). Брюсов пишет знаменитое стихотворение «Грядущие гунны», где прославляет неизбежный конец старого мира, к которому, однако, причисляет и себя, и всех людей старой, умирающей культуры. Сологуб создает в годы революции книгу стихотворений «Родине», Бальмонт — сборник «Песни мстителя», изданные в Париже и запрещенные в России.

Еще важнее то, что годы революции перестроили символическое художественное миропонимание. Если раньше Красота понималась (особенно «младшими символистами») как гармония, то теперь она связывается с «хаосом» борьбы, с народными стихиями. Индивидуализм сменяется поисками новой личности, в которой расцвет «я» связан с жизнью народа. Изменяется и символика: ранее связанная в основном с христианской, античной, средневековой и романтической традицией, теперь она обращается к наследию древнего «общенародного» мифа (В. Иванов), к русскому фольклору и славянской мифологии (Блок, Городецкий). Другим становится и строение символа. Все большую роль в нем играют его «земные» значения: социальные, политические, исторические.

Но революция обнаруживает и «комнатный», литературно-кружковый характер направления, его утопичность, политическую наивность, далекость от истинной политической борьбы 1905–1907 гг. Главным для символизма оказывается вопрос о связи революции и искусства. При его решении образуются два крайне противоположных направления: защита культуры от разрушительной силы революционной стихии (журнал Брюсова «Весы») и эстетический интерес к проблемам социальной борьбы. Лишь Блок мечтает о большом общенародном искусстве, пишет статьи о Горьком и реалистах.

Споры 1907 и следующих годов вызвали резкое размежевание символистов. «Эстетический бунт» декадентов и «эстетическая утопия» «младших символистов» исчерпывают себя. На смену им приходят художественные установки «самоценного эстетизма» — подражания искусству прошлого. На передний план выдвигаются художники-стилизаторы (М. Кузмин). Ведущие символисты сами ощутили кризис направления: их основные журналы («Весы», «Золотое Руно») в 1909 году закрылись. С 1910 года символизм как течение перестал существовать.

Однако символизм как художественный метод еще не исчерпал себя. Так, Блок, самый талантливый поэт символизма, в конце 1900-х — 1910-х годах создает свои самые зрелые произведения. Он пытается соединить поэтику символа с темами, унаследованными от реализма XIX века, с неприятием современности (цикл «Страшный мир»), с мотивами революционного возмездия (цикл «Ямбы», поэма «Возмездие»), с размышлениями об истории (цикл «На поле Куликовом», пьеса «Роза и крест» и др.). А. Белый создает роман «Петербург», как бы подводный итог эпохе, породившей символизм.

Последняя вспышка активности русских символистов — дни Октября, когда группа «Скифы» (Блок, Белый, Есенин и др.) вновь стремится соединить символизм и революцию. Вершина этих поисков — поэма Блока «Двенадцать».